

Александр Кожолянко

Синкретизм язычества и православия в календарной обрядности буковинцев

Исследован процесс христианизации Руси в период средневековья, официального крещения Руси в X веке. Проведен анализ синкретизма язычества и православия до XX–XI веков на примере календарной обрядности буковинцев.

Ключевые слова: религия, православие, вера, язычество, праздник, обряды, народный календарь

Научная проблема синкретизма язычества и христианства исследовалась в научных трудах А. Лебедева¹, М. Мосоры², Митрополита Илариона (И. Огиенко)³, Б. Рыбакова⁴, И. Франко⁵, А. Моци, В. Рычки⁶, И. Русановой, Б. Тимошука⁷, В. Суярко, А. Томенко⁸, Г. Носовой⁹, С. Пивоварова¹⁰ и др. Однако вопросы синкретизма православия и язычества в регионах, где проживали русины (Галичина, Закарпатье, Буковина), еще полностью не исследованы. В частности, не проведен анализ состояния язычества в Буковине в период развитого средневековья и в новое историческое время.

Христианство в большинстве славянских народов было введено в течение IX–X вв. Христианизация почти везде следовала за возникновением славянских государственных образований.

Первыми на территорию современной Украины христианство принесли группы гонимых христиан во II–III вв., которые подвергались жестоким преследованиям в Римской империи. Покинув свою родину, они переселялись в причерноморские города – Херсонес, Тир, Фасис, Фанагорию, Пантикапей, Ольвию и др. Однако и здесь их постигли многочисленные притеснения от язычников – эллинов, которые заставляли их переселяться еще дальше на север – вдоль рек Днепр, Днестр, Прут¹¹.

К IX в. на Руси появились римские и византийские миссионеры, в том числе и в епископы, которые пропагандировали среди социальных верхов Киевского государства христианскую веру¹².

В 80-х годах X в. были крещены князя Аскольд и Дир, которые осуществили поход на Царьград.

В восточном христианстве существует версия, что первыми христианами, которые появились на территории современной Украины, были апостол св. Андрей со своими учениками, которые еще в I в. н.э. пришли в Скифию-Сарматию и начали распространение христианства в Причерноморье. По устью Днепра

они поднялись к месту нынешнего Киева, и св. Андрей, став на гору, осуществил пророчество, что на этом месте когда-то будет построен большой город со многими церквями¹³.

Существует легенда, что именно на этом месте, где св. Андрей пророчил и воткнул в землю крест, позже (в 1212 г.) Мстислав Удалой построил деревянную церковь «Воздвижения Честного Креста»¹⁴.

Украинский писатель и этнограф И. Франко указывал, что христианство у славян-русов появилось где-то в конце IV в., а первым официальным свидетельством этого является упоминание о существовании корсунского епископства в актах второго Вселенского собора в Эфесе от 381 года, под постановлением которого подписался и корсунский епископ Апотерий¹⁵.

Активная военная политика Аскольда и Диры опиралась на идею объединения русов и установление независимости от Хазарии. Эта политика привела к необходимости осуществления походов как на Восток, так и на Византию, признания Руси государством и завершилась крещением. Можно считать, что уже при этих правителях Русь стала более чем на два десятилетия христианским государством¹⁶.

Активная христианизация подтолкнула языческие силы на консолидацию на севере русских земель с целью сохранения и возрождения языческого центра в Киеве. В частности, в Киеве в 882 году власть была захвачена Рюриковичами и восстановлено язычество¹⁷.

Также известно, что в 955 году княгиня Ольга отправилась в Царьград. Там она приняла христианство от царя Константина Багрянородного и цареградского патриарха. В «Повести временных лет» по этому поводу приведены слова Ольги к Константину с желанием пройти обряд крещения: «Я язычница, если хочешь крестить меня, то крести меня сам – ибо не крещусь»¹⁸.

Таким образом, она стала христианкой, избавила себя от сватовства со стороны царя Константина, обеспечила независимость Киевской Руси и получила поддержку со стороны Византии. Вернувшись в Киев, Ольга как христианка стала силой устранять языческий культ¹⁹.

Для утверждения в качестве могущественного государства в Восточной Европе прежде всего нужно было избавиться от языческой веры, ввести единобожие. В тех условиях монотеизм мог обеспечить равноправные отношения Киевской Руси с христианскими государствами средневекового мира и обеспечить прочное положение власти великого князя на территории Руси.

Реализация экономических и политических интересов в условиях того времени происходила с интенсивным использованием идеологических, в данном случае религиозных возможностей. Историк Б. Я. Рамм по этому поводу писал: «За довольно тесными торговыми связями между Киевом и Прагой, которые

были достаточно регулярными, несомненно прослеживается проникновение христианских миссионеров из этих западноевропейских стран на Русь»²⁰.

Первая религиозная реформа князя Владимира (980 г. установление языческого культа шести богов) была попыткой модернизировать язычество. Понимая, что в централизованном государстве в религиозной сфере должен быть монотеизм, великий князь сначала пытался ограничить верховных богов определенным их количеством. Однако старая языческая вера уже не способствовала процессу формирования новых общественных отношений, ее государственный потенциал был недостаточным для такого большого государства, как Киевская Русь²¹.

Поэтому начались интенсивные поиски господствующей верхушкой Киевского государства новых религиозных направлений, которые наиболее удачно соответствовали бы их интересам.

Летописные источники свидетельствуют, что были в 986 году направлены послы в разные страны, где преобладали монотеистические религии – к болгарам, немцам, хазарам, грекам²². По возвращении послов и миссионеров князь Владимир отказал магометанским миссионерам из-за того, что ему не понравился обряд обрезания и запрет употребления свиного мяса, а особенно необходимость отказа от вина²³. При этом он говорил: «На Руси есть веселье – пить: не можем без сего быть»²⁴.

Послов князя Владимира больше всего поразила церковная служба, которая правилась в христианских храмах Византии: «Служба их есть лучше, чем во всех других странах. Мы даже не можем забыть красоты той, ибо всякий человек, если сначала попытается сладкого, потом же не может горького взять. Так и мы не будем здесь [плохими] жить»²⁵.

Было решено принять как государственную религию Киевской Руси христианство в его византийском варианте и призвано корсунского архиепископа Иакова, который начал обучать Владимира правилам новой веры. Первым обряд крещения прошел Владимир. Крестил его святитель Иаков. Вместе с ним много бояр также были крещены. Владимира назвали в тайне крещения Василем²⁶.

После крещения Владимира состоялось венчание его с греческой царевной Анной²⁷.

Далее были окрещены сыновья Владимира и некоторые вельможи²⁸, а также Владимир приказал уничтожать языческие храмы и скульптуры языческих богов: «...А самъ в Киевъ вшедь, повеле испроврещи и избити кумиры, овы исьсещи; а иныя ижжещи, а Волоса идола, его же имноваху скотгя бога, веле в Почоину реку въ врещи, Перуна же повеле привязати къ коне ви къ хвосту и влекущи с горы по Боричеву на ручей, а слугы пристави бити идолы жезлеемъ. Се же не яко древу чюющю, но на поругание бес, иже прельщаще ны симъ

образом. Плакаху же ся его не вернеш людие, еще бо бяху не приале святого хрещения. И привлекеше кумира Перуна; вьвергоша и в Днепръ реку, и проплы пороги, изверже и ветръ на берегъ, и оттоле прослу Перуна гора»²⁹.

Крещение Руси, которое совершил князь Владимир в 988 году, не было добровольным и это стало причиной того, что народ воспринимал новую веру только внешне, а сам держался веры старой. Древняя вера давала русам реальную философию всей текущей жизни. Эта народная философия формировалась долгие века и вошла в плоть и кровь наших предков, а потому легко забыть ее люди не могли³⁰. Следует учитывать и то, что язычество, преобладающее тысячелетия, стало основой для всех новых мировых религий³¹.

Христианские понятия и взгляды захватили прежде князей и их приближенных. Мировоззрение народных масс, которые преимущественно были земледельцами и ремесленниками, оставалось прежним.

Как свидетельствуют древнерусские письменные источники, археологические памятники, исследования ученых (Б. Рыбаков, Б. Тимощука, И. Русановой, С. Пивоваров и др.), переход от язычества до христианства был довольно долгим, сложным³².

На Буковине в XI–XIII веках продолжали функционировать давние центры языческих культов. Археологи обнаружили в крае несколько культовых мест (Кулишевка, Бабино, Нагоряны, Василев, Ошыхлибы) и даже языческие храмы, относящиеся к этому времени (Зеленая Липа, Галица)³³. Археологический материал свидетельствует, что синкретизм* религиозных дохристианских и христианских верований в позднем средневековье был характерен не только для Буковины, но и для других регионов³⁴.

Функционирование языческих культовых мест и сооружений в период развитого средневековья и другие источниковые материалы свидетельствуют о наличии двоеверия – языческого синкретизма многие столетия после официального введения христианства (до конца XIX в.).

Впервые термин «двоеверие» был употреблен в XI в. Феодосием Печерским для характеристики нового на то время явления, мирного сочетания обоих вер (язычества и христианского православия) в сознании народа³⁵.

К двоеверию ученые относят не только синкретизм христианства и славяно-русинского язычества, но и смешение с христианством элементов других религий (язычества других народов, ислама и т.д.)³⁶. Одной из причин возникновения двоеверия было сходство религий языческой и христианской, а в ряде моментов даже тождество чисто религиозных основ языческих и христианских верований.

---

* Синкретизм является философской и культурологической категорией, характеризующейся особый тип соединения разнородных факторов в целостность, когда множество элементов не теряет своего своеобразия в единстве.

Такое положение в вере восточнославянского населения называют народным христианством или христианством, наполненным языческой мифологией³⁷.

Новые христианские представления прививались народу очень трудно, медленно, веками переделывались в народном мировоззрении, плотно переплетаясь с языческими взглядами и правилами. Новая религия возводилась на руинах старого материала. Исторический процесс формирования народного мировоззрения, история духа, убеждений, обычаев народа – именно тем определяется период сохранения языческого религиозного мировоззрения русинов вплоть до конца XIX в.

Служители языческих культов были высокообразованными носителями положительных знаний – своеобразной древней интеллигенцией. В то самое время христианские священники пытались запретить астрономию, философию, риторiku, земледельческие и магические обряды, отождествляя их с язычеством³⁸. Такая ситуация давала предпочтение в авторитете и доверии к волхвам в народе.

О сохранении института волховства свидетельствует, например, «Устав святого князя Владимира», где отмечается, что церковь осуждает «...ведьмство, зелийничество, потвори, чародеяния, волхования»³⁹.

Веками язычество медленно отступало под настойчивым давлением со стороны православного духовенства. Христианство на землях Руси преобладало в городах, прежде всего Среднего Поднепровья и Приднестровья, здесь были центры епархий: Чернигов, Белгород, Юрьев, Василев.

Археологические и этнографические материалы убедительно свидетельствуют, что язычество в обрядности сохранялось и в XIX веке. Так, археолог Б.Рыбаков обратил внимание на то, что языческие погребальные телосожжения (кремации) на огромных кострах встречались и в конце XIX в.⁴⁰

Из православных центров Руси (Киево-Печерская и Почаевская Лавры, Ильинская церковь и др.) выходили монахи в регионы, учили язычников новой веры, крестили их, строили церкви, но еще почти тысячу лет после Владимира народ придерживался старой веры, хотя и ходил в церковь, но не бросал язычества: праздновали христианские и свои древние языческие праздники. Так, например, на Рождество праздновали давнюю Коляду – воскрешение Бога Солнца, а летом в дни летнего солнцестояния – Бога Купала.

Открытые выступления и сопротивления распространению христианства сочетались в народе с более пассивной формой игнорирования, навязываемой феодальной верхушкой, религии. Люди неохотно посещали церкви, предпочитая языческие обряды, о чем указано летописцем-монахом под 1068 годом: «Мы видим же игрища вытоптанные и людей множество на них, как они совать станут друг друга, зрелища действуя, – [это] бесом

задуманное дело, – а церкви стоят, и когда бывает время молитвы, [то] мало их находится в церкви»⁴¹.

Обряды-игрища упоминаются и в «Уставе Ярослава», где они является причиной расторжения брачных отношений: «Оже опроче мужа ходити по игрищам, или в нощи, а не послушать иметь, розлучити их»⁴². Известны также свидетельства митрополитов, где отмечается: «Въ субботу вечеръ собираются вкупь мужи и жены и играютъ и пляшуть безстыдно, и скверну деють въ ношь святого въскресенія»⁴³.

Языческое и христианское мировоззрение тождественны в вопросе поклонения образам святых и уважению икон, обращению к духам и заклинанию святых, вере в сверхчеловеческие возможности волхвов и колдунов и наделению «божественной благодатью» священников, в уверенности чудодейственности языческих фетишей и надежде на спасительную силу креста.

Во многих случаях новые христианские храмы строились на тех же местах, где были первые капища и святилища, где стояли первые идолы или языческие храмы. Так, например, Владимир Великий: «...повелел делать церкви и ставить [их] на местах, где вот стояли кумиры. И поставил церковь св. Василия [Великого] на холме, где вот стояли кумиры Перун и другие и где жертвы приносили князь и люди»⁴⁴. Строительство храмов на местах капищ и святилищ свидетельствовало своеобразную преемственность христианства от язычества. Это дает о себе знать и позже, когда церковные сооружения (как ранее языческие) являлось для русов символом всей общины, ее общим приобретением⁴⁵.

Новый христианский пантеон был очень похож на старый языческий, и это становилось еще одной из причин двоеверия. Археолог и историк Б. А. Рыбаков приводит паралели: Бог – Отец, создатель мира – Стрибог, бог – отец (он же, Сварог, т.е. «небесный») Бог – сын, Иисус Христос – Дажьбог, «бог – сын» бога Сварога, Бог – Дух Святой – крылатая фантастическое животное – птица (Симаргл, грифон), Богородица Мария – богиня плодovitости Мокоша⁴⁶.

Во многих христианских культурах можно проследить аналоги предыдущих обрядов и поклонений: в культе «чудотворных икон» – черты фетишистского поклонение предметам, в культе «святых мест» – поклонение загадочным объектам природы, в таинстве церковных обрядов – магические действия древних волхвов и т.п.⁴⁷. В частности, функции языческих богов взяли на себя отдельные христианские святые (Велес – Власий, Перун – Илья)⁴⁸.

Христианские праздники были привязаны к праздникам дохристианских, и это было причиной легкого их восприятия. Вместе с тем такое положение было одной из причин двоеверия: люди приходили молиться на то самое место, где и раньше молились, в те же дни, как и в прошлом. Как следствие

в дальнейшем оставалось почитание лесов, деревьев, рек, колодцев, источников, холмов, гор и т.п.

В народных обрядах также отразились воспоминания о древних славянских праздниках и связанных с ними обрядами. Приход весны (Великдень) приветствовали весенними песнями и играми, в которых прославляли солнце и расцвет природы.

Великдень – день хвалы животворному солнцу, день благодарности небесным богам, а самое главное верховному богу Небу – Сварогу и Солнцу – Дажбогу, что находится в этом небе, день надежды на добро, здоровье, на полную радостную жизнь в новом году. Не случайно поэтому в дохристианские времена и период Киевской Руси новый год начинался не в январе, а в марте (в день весеннего равноденствия, а при Владимире Великом с X в. и до начала XVIII в. – 1 марта).

С внедрением христианства на украинских землях народная великодняя обрядность меняется и приобретает черты пасхальной обрядности. Поклонение Небу и Солнцу меняется поклонению триединому Богу (Бог Отец, Бог Сын, Бог Дух). А на время великоднего празднования накладывается праздник христианской Пасхи, когда празднуется воскресение Иисуса Христа. Однако великодние дохристианские обычаи и обряды были настолько живучими, что часть из них христианство привлекло к своему обряду Пасхи. Ряд дохристианских пасхальных обрядов и пасхальной атрибутики продолжали существовать параллельно с праздничности воскресения Христа.

Дохристианским атрибутом великодних празднований являются писанки. В историко-этнографической литературе вопрос происхождения писанок пытались выяснить западноевропейские ученые еще с XVII в. и затем на протяжении нескольких столетий (Рихтер, Эрдмен, Кольбе и др.).

В Украине изучением писанок в XIX в. занимались Ф. К. Вовк⁴⁹, М. Ф. Сумцов⁵⁰. В частности, М. Сумцов отмечал, что яйцо получило важное религиозно-обрядовое значение задолго до христианства как символ солнца. Он писал: «Возвеличивание яйца было обусловлено мыслью о весеннем пробуждении солнца, а вместе с ним всей творческой силы природы»⁵¹.

Из давних времен берет начало миф о том, что на заре творения мира птицы и звери вели борьбу за зерно, человек помогал птицам и за это получил яйцо, в котором было целое царство»⁵².

О давности писанок в Галичине и Буковине писали Ф. Вовк, М. Кордуба. Например, М. Кордуба в этнографической работе «Писанки на Галицкой Вольни» отмечал символически-ритуальное значение писанок во всем календарном цикле праздников, а не только на Великдень-Пасху⁵³.

Православная церковь включила писанки в обряды Пасхи, придумав множество легенд об их христианском происхождении⁵⁴.

На Буковине в течение всего календарного цикла обрядности прослеживается уважение и культ деревьев, среди которых выделяются ива, дуб, явор, липа, калина. Среди пасхальной атрибутики особое место занимает ива.

Ива не растет в местностях Палестины, где зародилось христианство. Соответственно наделение ивы чудодейственными и волшебными свойствами не могло произойти в той местности, где такого дерева нет.

О том, что ива имела большое значение в народных праздниках славян, в энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона, изданном в конце XIX в., указано, что: «Еще до принятия христианства ивовые ветви имели у славян религиозное значение». И тут же делаются размышления, почему ива могла стать чудодейственной: « – возможно потому, что прутьики – ветки вербы, первые оживают – развиваются и дают пушистые – мохнатые котики. С ивовыми ветвями – прутьями связаны очень древние обычаи и поверья. Они считаются целебным средством против многих недугов...»⁵⁵.

В христианстве Вербным воскресеньем названо шестое воскресенье Великого поста. Иудеи встречали Христа за шесть дней до его распятия ветвями финиковой пальмы. У восточных славян принято вместо пальмы почитать иву.

На Буковине ночью с субботы и утром в шестое воскресенье поста освящают священники ивовые веточки и раздают верующим.

Вербка в славян с древних времен была в особом почете. Известный этнограф С. Килимник считал, что это дерево «в древности было тотемом украинцев, а возможно и всеславянского народа»⁵⁶.

Соответственно, ива считалась священной, как предок человека, предок древних русов. Такое представление сложилось у них, видимо потому, что почки этого дерева первыми пробуждаются весной и выпускают пушистые котики.

Письменные источники свидетельствуют, что ива как священное дерево была известна и другим народам более двух тысяч лет назад⁵⁷. На Буковине в конце XIX – начале XX в. освященные в церкви ивовые ветки использовали во многих жизненных обстоятельствах:

– Пушистые ивовые котики после освящения добавляли к каше, считая, что с такой пищей передается человеку сила солнца, сила весенней энергии;

– Кормили также детей ивовыми котиками, чтобы они быстро подрастали – «чтобы росли как ива»;

– Ивовые веточки ставили за несущую балку потолка, чтобы уберечь жильё от злых сил;

– Прутики ивы вонзали в куски дерна, выставленного на воротах в день св. Юрия и вместе они должны оберегать усадьбу от ведьм;

– Ивовыми ветками выгоняли в день св. Юрия скот впервые после зимы на пастбище;

– Во время грозы хозяин выходил на улицу с ивовыми веточками и махал в сторону облаков, отводя град и тучи;

– Во время пожара бросали в пламя ивовые веточки, считая, что таким образом уменьшится сила огня;

– На границе усадьбы и поля, вокруг водоемов – прудов, по берегам ручьев и рек высаживали иву, считая, что она оберегает от зла и очищает воду и рыбу в воде;

– В гроб покойнику клали прутья освященной вербы, чтобы охраняли его по дороге в потусторонний мир.

В селах Прут-Днестровского междуречья (Митков, Бридок, Погориливка) после освящения сажали веточки ивы у ворот усадьбы. Если ива пустит корни и будет расти, то девушка, или парень с этого двора в течение года женится.

На Буковине иву сажали рядом с могилами как символ траура и печали. Используют для этого вид «плакучей ивы», ветки которой сверху спускаются вниз.

В предгорной зоне Буковины (села Каменная, Михальча, Снячев) в христианские времена появилось поверье, что ива есть и нечистым деревом, потому что на нем якобы Иуда повесился после предательства Христа⁵⁸.

Поскольку ива не дает плодов, как фруктовые деревья, то в буковинцев она была также символом бесплодия. Засохшую иву считали вместилищем черта. Поэтому запрещалось из нее брать на очаг дрова. В селе Тисовцы Стороженецкого района на сухую вербу говорили: «Нечистый перехватил силу ивы к жизни и вселился в нее»⁵⁹.

Летний праздник Купала также может быть примером синкретизма языческой и христианской религии. Священники привязали этот народный праздник ко дню христианского святого Ивана. В древности это был праздник молодежных гуляний, создания супружеских пар. По славянским верованиям в купальскую ночь происходят волшебства, цветет папоротник, можно увидеть спрятанные сокровища и понять язык зверей⁶⁰.

Суть этого праздника заключалась в сакральной и животворной величии таких сил, как огонь и вода. Поэтому считалось, что эти два компонента приобретают в период летнего солнцестояния очистительную силу.

В европейских странах праздник Ивана Купала прижился под разными названиями. В свое время христианская церковь приурочила его ко дню Иоанна Крестителя (24 июня по ст.с. или 7 июля по н.с.), от которого заимствовано новое название «святого Яна» – у западных славян, «сан-Джованни» – в Италии, «сан-Хуан» – в Испании и т.д.

Из истории христианской церкви известно, что Иисуса Христа крестил Иоанн Креститель. Среди ритуалов крещения было обливание ребенка и купания его в воде. Возможно, что именно поэтому в народе за Иоанном Крестителем утвердилось имя Ивана Купала. Православная церковь считала Купала «дьявольским», «нечистым». Боролась против древних обрядов и католическая церковь, однако языческие обряды настолько прижились в народе, что церковь не в состоянии была помешать им. Поэтому ее служители решили изменить тактику. Впоследствии отдельные языческие обряды были «узаконены»⁶¹.

Само название «Купало» некоторые исследователи выводят от слова «купаться» (в этот день обязательным было купание) или «копать» (копали лекарственные травы, зелья). Этот праздник возник еще задолго до образования Киевской Руси. Православная христианская церковь на Руси этот праздник в народном календаре приурочила к Рождеству Иоанна Крестителя. Это мероприятие повлияло только на название – не просто Купала, а Ивана Купала, а для людей содержание осталось прежним⁶².

Своими корнями купальский праздник уходит в древность. Культ богини воды и бога тепла Даны и Полеля почитался еще носителями трипольской культуры около пяти тысяч лет назад. В древних источниках упоминалось, что день Купала – это свадьба Даны и Полеля. Поэтому большинство купальских песен воспевают любовь, молодость и красоту. В этот день, по древним обычаям, наши предки вступали в брак⁶³.

Ночь напротив Ивана Купала считалась опасным мифическим временем активизации «нечистой» силы, колдунов, упырей и ведьм. Буковинцы верили, что в канун праздника Ивана Купала наблюдались активные действия колдунов и злых сил, от которых нужно было оберегать себя, свою семью, посева, скот, дом. Поэтому связывали зеленые стрелки лука для лучшего роста, а на полях, где рос лен, втыкали ветки липы, коровам добавляли в корм цветы, из которых был сплетенный венок, а также процеживали молоко через них. В этот день принято было что-нибудь занимать⁶⁴.

Мистификация, связанная с колдовством, уходит в глубокую древность. Археологи, проводя раскопки поселений неолитической и энеолитической земледельческих культур, обнаружили глиняные женские фигурки, так называемых «чародейниц»⁶⁵.

Например, в селах Галичины Максимовка, Лолин Долинского района Ивано-Франковской области верили, что в Купальскую ночь ведьмы собираются на Лысой горе неподалеку сел Подлески и Шевченково на так называемый «герц» – происходили ведьмовские совещания под руководством черта, от которого колдуньи получали помощь, приказы и выговоры. По фольклорной

традиции, ведьмовские совещания обычно завершались устройством банкетов и гуляний. По преданию, ведьмы, собравшись ночью на Лысой горе, «пьют и гуляют с чертями и ветрами»⁶⁶.

Подобные верования в XIX в. встречались и на Буковине. В приднестровских селах Митков, Бредок (Заставновщина) верили, что в Купальскую ночь ведьмы собирались в урочище Стенка и здесь колдовали⁶⁷. Это урочище известно археологам как поселение трипольской культуры и древнерусский могильник⁶⁸.

По славянскому язычеству было заведено праздновать день недели – пятницу и ничего в этот день не делать как на поле, так и дома. Этот день был посвящен языческой богини Мокоши.

С введением христианства почитание пятницы значительно возросло. Этот день стали отмечать как день муки Христа. Также этот день соединился с празднованием дня св. Параскевы, отмечаемый в октябре⁶⁹.

Языческий бог Велес в восточном христианстве получил двойника – св. Власия Севастийского и праздновался как покровитель скота⁷⁰.

Существовал у древних русов культ поклонения Роду, Рожаницам. Упоминание об этих святых встречается в средневековом источнике «Вопросы Кирика, Саввы и Ильи съ ответами Нифонта, епископа...», где имеются такие слова: «... Аже се родоу и рожаницам крають хлебы, и сыры, и медь? – боронаше велми: негде, рече, молитъ: горе пьющимъ рожаниць!»⁷¹. Эти слова свидетельствуют об очень широком распространении в быту языческого обряда приношения в жертву сыра и меда.

Сохранение языческого мировоззрения у русинов Буковины и Галичины до конца XIX в., а на Гуцульщине – даже до середины XX в. прослеживается в народной архитектуре – магическо-заговорной орнаментике жилищ.

Народное сельское жилья украшалось различной резьбой по дереву, содержащей в себе солярные, громовые и другие знаки. Кроме жилья, магическими знаками украшались и предметы быта, в частности ковши, дойницы, коновки и другая утварь, используемая и при проведении календарных обрядов. На них содержались, как знаки солнца – розетки, кресты, свастика, так и символы движения небесного светила – кони, птицы⁷².

В каждом доме было специальное священное место, где располагался жертвенный огонь – «каганец» и в праздник Рождества устанавливался Сноп – Дидух. Это место называлось «Покуть», «Красный кут». Ритуально-священный угол украшался ритуальным полотенцем – «набожником». Соответственно и в христианские времена здесь ставили православные иконы с вышитыми полотенцами набожниками⁷³.

По народному календарю определялось время проведения многих весенне-летних праздников, соответственно он влиял на все языческие моления,

связанные и хозяйственной деятельностью – с пахотой, севом, полевыми работами в разные фазы созревания сельскохозяйственных культур.

Следует отметить и то, что в борьбе с язычеством христианское духовенство Руси еще в X–XI вв. для выживания языческих обрядов ввело ряд постов. Например, Петровский пост был введен для отвлечения людей от купальской обрядности. Введение этого поста было непонятным даже для отдельных христианских служителей. Так, например митрополит – грек Георгий (1061–1073) был удивлен этим нововведением: «Несть лепо подражати мясопусту других по пятникости (через неделю после троицы) через письма святая – едим бо мясопуст уставихом»⁷⁴.

Празднование Купала было связано не только с солнцем, которое в эти дни находилось в наивысшей точке небосвода и в его честь зажигали от «живого огня» купальские костры, но и с росой, которая является ежедневным орошением в это время хлебных полей. В купальскую ночь черпают росу, умываются росой и даже проводят с магической целью скатертью по росе⁷⁵.

Парни в купальский вечер бросали зелья на тропинку, где должна идти любимая девушка. Среди этого зелья должна быть белая лилия как знак особого уважения и чистоты. Если поблизости дома девушки росла ива, то парень перевязывал ее красной лентой, «чтобы знала, что пришла к этому двору чья-то любовь». Но были и случаи, когда на иву вешали пучок соломы, «чтобы очень гордая девушка не гордилась».

Ребята на просторной поляне выбирали место, где закапывали деревце. Это деревце – Купало был центром, вокруг которого происходили основные события праздника. На Буковине для Купала выбирали, в основном, иву. Деревце украшали венками, цветами, фруктами⁷⁶.

Купальское дерево связано с основным содержанием и назначением обряда. Растительность естественно было восхвалять во время ее расцвета, когда от нее ждали плодов. В силу этого обстоятельства украшенные цветами дерево в конце праздника бросали в воду.

Связь дерева с аграрной магией прослеживается в том, что на Буковине в конце праздника дерево-Купало ломали и бросали в огород, чтобы рожали огурцы⁷⁷. Подобный обычай зафиксирован в 70-х годах и на Подолье⁷⁸. Таким образом, можно с уверенностью сказать, что обряд с купальским деревом имеет истоки из древнего культа растительности.

Чудодейственную силу на Буковине отводили купальскому зелью. Купальские травы нередко использовались как апотропеичное средство от воздействия враждебных человеку сил. Высушенным прошлогодним купальским зельем подкуривали заранее до дня Купала скот, чтобы предохранить его от опасного ведьмовского глаза. Источником некоторых болезней, по народным

представлениям, считались «злые» глаза, которые могут сглазить человека или животное. В таком случае не только в Буковинском Приднестровье, но и на Буковинской Гуцульщине, как подкуривальное средство против «сглаза» тоже применяли купальское зелье. Особыми магическими свойствами наделялась осина. Ветви этого дерева прикрепляли к двери хлева, чтобы предохранить скот от ведьмы⁷⁹.

Христианская церковь и местные власти запрещали этот обычай и преследовали тех, кто решался собирать зелья в день Ивана Купала. Таких лиц били плетью, «чтобы не повадно было носить и собирать травы и корни»⁸⁰.

Также церковнослужители пытались подчинить этот обычай своим идеологическим принципам и предоставить ему христианизованный характер. Под влиянием христианской религии возникло верование, что собранное на Купала зелье только тогда будет целебным, если его в этот день освятить в церкви. На место выкопанного корня клали хлеб и соль, приговаривая: «...землице, что змея обнажила, мы на тебя, землице, хлеба положили». Когда рвали полевые цветы, то приговаривали: «Земля-мать, благослови меня траву брать»⁸¹.

Христианские священники, видя популярность праздника Купала у русин, соединили с ним празднование дня рождения Иоанна Крестителя, в результате чего образовался симбиоз «Иван – Купала»⁸².

Церковь уже в первой половине XI века осуществила наступление на цикл многодневных разнообразных языческих праздников, которые приходились на середину лета, введя неизвестный грекам петровский пост в середине лета.

Середина XII в. отмечена периодом временного возрождения языческих традиций. Свидетельством такого возрождения можно считать дискуссию вокруг вопроса «о мясоедении». В это время утвердился обычай отменять пост для всех церковных праздников⁸³.

На Руси в защиту давних дохристианских обычаев выступили отдельные церковнослужители. Так, например, епископ Федор, один из немногих восточных церковников (большинство были греками). Но в дальнейшем его обвинили в волховстве, казнили, а его книги публично сожгли перед людьми⁸⁴.

Вопрос о постах стоял остро не потому, что такими были христианские догматы, а прежде всего из-за того, что народный праздник Рождества попадал на мясоедные дни, а в язычестве декабрьские рождественские праздники предусматривали использование ритуальной мясной пищи⁸⁵.

Утверждение языческой традиции мясоедения зафиксировано в «Слове о посте к невежамъ», написанном в начале XIII в.⁸⁶

По поводу возрождения язычества в период развитого средневековья и свидетельствам этого в «Слове о посте к невежамъ» Б. А. Рыбаков: «В этом описании языческих обрядов и поверий нет и следа посягательства на мясоедство

при всех праздничных пирах. Автор упрекает современников только в том, что в страстную субботу они с разрешения священников употребляют масло и молоко, а в «великий четверг» (на страстной неделе) приносят умершим предкам в жертву мясо, молоко и яйца и приготавливают им баню; приношение потом съедается самими жертвоприносителями в пасхальное воскресенье, когда еда уже разрешена»⁸⁷.

Он также указывает, что в церкви идет служба, посвященная смерти казненного Христа, а двоеверцы в момент самой кульминации пируют за скромным столом⁸⁸.

Таким образом, можно сделать вывод, что церковная верхушка мясоедству во время поста не только не противилась, а и сама употребляла мясо в это время.

Еще одним фактом, который подтверждает слияние христианских и языческих праздников воедино, является то, что осенний праздник урожая объединяло в себе рождество Богородицы в сентябре с празднованием Рода и Рожаниц. Это время завершения основных сельскохозяйственных работ, когда яровые хлеба не только уже сжатые, но и в основном обмолочены, а зерно засыпано в закрома.

Первая декада сентября (по старому стилю) в народе называлась «бабьим летом». Исследователи отмечали, что праздник урожая (Богородицы) отличался большим застольем: «...справлялся иногда в течение целой недели: чем урожайным было лето, тем продолжительнее праздник. Этот сельский пир разворачивался по всем правилам земледелия и со всеми приемами гостеприимства по преданию и заветам глубокой древности и по возможности широко и разгульно»⁸⁹.

Во времена двоеверия, когда давним языческим богам молились тайно, Рода и Рожаниц почитали открыто и зачастую при участии христианских священников. Живучесть Рода и Рожаниц объясняется тем, что они принадлежали к семейному культу.

Однако христианская церковь сопротивлялась язычеству. Так, например, в «Слове Исая пророка...», которое относится к церковной литературе середины XII в., прослеживаются призывы к сопротивлению языческим традициям, распространенным в обществе: «Вас же, покинувших меня, что забыли мою святую гору, готовящих банкеты в честь Рода и двух Рожаниц, наполняя чаши свои на потребу бесам, – вас я предам мечу и все вы упадете проколотыми... Когда верные мне люди начнут пировать – вас будет мучить голод, но сыты вы будете тем, что приготовили Рожаницам. Обрадуются в веселье сердца, вы же, подчинившись бесам, молясь идолам и проводя пиры в честь Рода – Рожаницам, вы воскликните в сердечных муках, будете рыдать в судорогах сердец свои»⁹⁰.

Християнские правовые и моральные предписания входили в народное сознание очень медленно. К примеру, киевский митрополит Иоанн II в своих Канонических ответах (конец XI в.) отмечал: «Народ был убежден, что венчание существует только для князей и бояр. Митрополита спрашивают: «... оже не биваєть на простых людех благословеньє і венчаньє, но болярам токмо і князем венчатися; простим же людем, яко и меншице пымають, жени своя с плясаньєм и гуденьєм и плесканьєм...»⁹¹.

Но и по прошествии двух сотен лет (в конце XIII в.) митрополит Максим жаловался: «Пишу же и се вамъ, детям моим, и да вси чяда моя, порождени в купели новосвященной да держите жени от святаго себорное и апостольское церкви, зале же жени от спасения ради человеческого бисть. Аще же их держите в блиде, без благословения церковного, то что ти в помощ есть? Но молися им и нуди ее, аще й стари и млади, да венчаются в церкви»⁹².

Известно, что для простых людей долгие столетия главным оставался древний свадебный обряд, а церковное венчание было второстепенным делом и частыми были случаи, когда после раздельного по времени проведения церковного брака и народной свадьбы, молодожены не жили вместе пока не будет проведен народный обряд брака. Церковь даже издавала распоряжения об обязательном супружеском проживании после церковного венчания, а также запрещала проводить языческие обряды.

В конце XVI в. галицкий общественный деятель, польско-украинский поэт, этнограф Севастьян Фабиан Кленович в поэме «Роксолания» (1584 г.) писал: «Всюду на Руси сохраняют законы и обычаи предков, русы и дальше идут по пути дедов и отцов, обычаи сохраняют тщательно и безупречно. Скажу, веру свою берегут. Против порядков таких выступает весь мир католический, часто осуждая их, даже угрожает он, из-за того, что потомки, простые и легковверные русы, всем заветам отцов верны и выполняют их»⁹³.

Борьба православия с язычеством продолжалась и в последующие столетия. Например, в XVII в. была издана грамота о запрещении проведения языческих обрядов⁹⁴. Эта борьба не прекращается до наших дней.

Служители церкви осуждали театрализованные представления (водить козу на Рождество, обряд Маланки на Новый год и прочие бытовые народные обряды), молодежные игры весной – русалии, летом – купальские обряды, осенью – ворожения, народные зрелища, тем самым искоренялась из народного сознания игра, сатира, смех.

Все это повлияло на моральные устои общества. Существенные различия между христианскими заповедями Божьими и реальной жизнью привели к потере духовных ориентиров, которые стали причиной крупных государственных и социальных потрясений, а в конечном счете привели

к потере государственности, установлении чужеземного правления над отдельными территориями, как, например, Галичиной, Буковиной, Закарпатьем. Введение христианства в Киевском государстве в конце X века стало переломным моментом в дальнейшем политическом и культурном развитии Украины–Руси. Эпоха противостояния старой и новой религиозной систем, которая привела к появлению такого феномена, как двоеверие, что породило постепенную трансформацию языческих верований наших предков в нововведенное христианство византийского направления, продолжилась вплоть до XX в.

Двоеверие и синкретизм язычества и православия прослеживается до наших дней на бытовом уровне. Потребовалось тысячелетие, чтобы христианская идеология, в сильно приближенном к язычеству виде, овладела сознанием народа, а в большинстве случаев вообще привела к потере религиозной веры. В этом процессе также большую роль сыграла социалистически-коммунистическая идеология, господствующая в обществе до 90-х годов XX в.

- 1 Лебедев А. О борьбе духовных властей съ суевѣрїями // Кїевская старина. – 1896. – Т. XXVIII. – С. 1–21.
- 2 Мисора М. Якъ русины стали христїянами? – Львїв, 1897. – 42 с.
- 3 Митрополит Іларїон. Дохристїянські вірування українського народу. – К.: Обереги, 1994–424 с.
- 4 Рыбаков Б. А. Языческое мировоззрение русского средневековья // Вопросы истории. – 1974. – № 1. – С. 3–30; Рыбаков Б. А. Язычество Древней Руси. – М.: Наука, 1987. – 784 с.; Рыбаков Б. А. Язычество древних славян. – М.: Наука, 1981. – 608 с.
- 5 Франко І. Я. Найстаріші традиції культурного життя в Південній Русі / Зібрання творів у п'ятдесяти томах. – Т. 40. – К.: Наукова думка, 1983. – 559 с.
- 6 Моця О., Ричка В. Кїївська Русь: від язичництва до христїянства. – К.: Глобус, 1996. – 224 с.
- 7 Русанова И. П., Тимошук Б. А. Религиозное «двоеверие» на Руси XI–XIII вв. (по материалам городищ-святилищ) // Культура славян и Русь. – М., 1998. – С. 123–150.
- 8 Суярко В., Гекмюк А. Роль дохристїянських вірувань у культурі українського народу. // Вісник Кїївського університету. Серія: Філософія. Політологія. Соціологія. Психологія. – К., 1993. – С.23–32.
- 9 Носова Г. А. Язычество в православии. – М.: Наука, 1975. – 152 с.
- 10 Пивоваров С. Середньовічне населення межиріччя Верхнього Пруту та Середнього Дністра (XI – перша половина XIII ст.). – Чернівці, 2006. – 300 с.
- 11 Лупанов О. Коли ж прийшло христїянство на Україну ? // Освіта. – 1991. – 22 жовтня. – С. 4.
- 12 Гордиенко Н. Крещение Руси: факты против легенд и мифов. – Л.: Лениниздат, 1984. – С.67.
- 13 Власовський І. Нарис історії української православної церкви. – К.: Либідь, 1998. – Т. 1. – С. 19.

- 14 Мосора М. Як русины стали... – С. 4–5.
- 15 Франко И. Найстаріші традиції... – С. 387.
- 16 Дем'янов В. Що було до Русі? – Рівне: Азарія, 1994. – С. 35.
- 17 Там же.
- 18 Повесть временных лет (ПВЛ). – Ч. 1. – М.–Л.: АН СССР, 1950. – С. 241.
- 19 Горбач О. Гіпотези про шляхи християнізації України в світлі мовознавчо-філологічної критики // Статті до 1000-ліття християнізації Русі – України. – Мюнхен, 1988/89. – С. 528.
- 20 Рамм Б. Папство и Русь в X–XV веках. – М.–Л.: АН СССР, 1959. – С. 26.
- 21 Коцур А. Українська державність: історія та сучасність. – Чернівці: Золоті литаври, 2000. – С. 48.
- 22 Літопис Руський / переклад з давньоруської Л. Є. Махновця. – К.: Дніпро, 1989. – С. 51–52.
- 23 Моця О., Ричка В. Київська Русь... – С. 59.
- 24 Літопис Руський... – С. 51.
- 25 Там же. – С. 61.
- 26 Мосора М. Як русины стали... – С. 34–35.
- 27 Нечуй И. История Руси воль перших князвѣвъ ажъ до нападу татарського. – Львов, 1890. – С. 35.
- 28 Введение христианства на Руси / Под ред. Сухова. – М.: Мысль, 1987. – С. 111.
- 29 Житіє блаженна Володимира // Голубинский Е. Е. история русской церкви. – Т. 1. (I пол.) – М., 1997. – С. 231.
- 30 Митрополит Іларіон. Дохристиянські вірування... – С. 313.
- 31 Моця О., Ричка В. Київська Русь...
- 32 Рыбаков Б. А. Язычество Древней Руси. – С. 457–459; Русанова И., Тимошук Б. Языческие святилища древних славян. – М., 1993. – С. 457–458; Русанова И., Тимошук Б. Древнерусское Поднестровье. – Ужгород, 1981. – С. 125; Русанова И. Культовые сооружения и жертвоприношения славян-язычников // История русской культуры. – М., 1997. – С. 54–55.
- 33 Пивоваров С. Середньовічне населення... – С. 216.
- 34 Принятие христианства народами Центральной и Юго-Восточной Европы и крещение Руси / Под ред. Литаврина Г. – М.: Наука, 1988. – С. 254.
- 35 Лозко Г. Українське народознавство. – Київ: Зодіак-ЕКО, 1995. – С. 215.
- 36 Моця О., Ричка В. Київська Русь... – С. 134.
- 37 Русанова И. П., Тимошук Б. А. Религиозное «двоеверие» на Руси XI–XIII вв. (по материалам городищ-святилищ) // Культура славян и Русь. – М., 1998. – С. 144.
- 38 Суярко В., Гекмюк А. Роль дохристиянських вірувань. – С. 28.
- 39 Устав святого князя Володимира, крестившого руськую землю. О церковных судах. // Российское законодательство X–XX веков. Т. 1. – Законодательство Древней Руси. – М.: Юридическая литература, 1984. – С. 149.
- 40 Рыбаков Б. А. Язычество Древней Руси... – С. 457.
- 41 Літопис Руський... – С. 105.

- 42 Устав князя Ярослава о церковных судах // Российское законодательство X–XX веков. Т. 1. Законодательство Древней Руси. – М.: Юридическая литература, 1984. – С. 192.
- 43 Определения владимирского собора изложенныя въ грамоте митрополита Кирила II // Р.И.Б. Т. VI (Ч.1). – М., 1908. – С. 100.
- 44 Літопис Руський. – С. 66.
- 45 Фраянов Н., Дворниченко А., Кривошеев Ю. Введение христианства на Руси и языческие традиции // Советская этнография. – 1988. – № 6. – С. 32.
- 46 Рыбаков Б. А. Язычество Древней Руси... – С. 769.
- 47 Носова Г. Язычество в православии... – С. 14.
- 48 Моця О., Ричко В. Київська Русь. – С. 142.
- 49 Вовк Ф. К. Отличительные черты южнорусской народной орнаментики / Труды третьего Археологического съезда России. – К., 1878. – Т. 2. – С. 318–325.
- 50 Сумцов Н. Ф. Писанки // Киевская старина. – К., 1891. – С. 731.
- 51 Там же. – С. 5.
- 52 Там же. – С. 7.
- 53 Кордуба М. Писанки на Галицькій Волині. – Львів, 1899.
- 54 Кожоляно Г. Етнографія Буковини. – Т. 3. – Чернівці, 2004. – С. 208–214.
- 55 Энциклопедический словарь Брокгауза Ф. А. и Ефрона И. А. – Т. V. – СПб. – Ляйпциг, 1892. – С. 7
- 56 Килимник С. Украинский год в народных обычаях в историческом освещении. – Т. 3. – Виннипег–Торонто, 1962. – С. 43.
- 57 Священное писание Старого и Нового Завета / перевод П. Кулиша, И. Нечуя-Левицкого, И. Пулюя. – Нью-Йорк, 1944.
- 58 МЕЕ ЧНУ, 4. – 1993. – Т. 6. – С. 8; 2000. – Т. 3. – С. 12.
- 59 Там же. – 1993. – Т. 6. – С. 24.
- 60 Ластівка К. Староукраїнський пантеон князя Володимира // Самостійна думка. – 1931. – № 1. – С. 21.
- 61 Міщенко М. Народний календар / М. Міщенко. – К., 1995. – С. 42.
- 62 Пилипів І. Ой на Івана, ой на Купала... / І. Пилипів // Червона Долина. – 1989. – 1 липня. – С. 2.
- 63 Мицик В. Свята сонячного циклу / В. Мицик // Соціалістична культура. – 1990. – № 12. – С. 4.
- 64 Токарев С. А. Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы. Летне-осенние праздники / С. А. Токарев. – М., 1978. – С. 180.
- 65 Там же. – С. 231.
- 66 Научный этнографический архив Института истории и политологии Прикарпатского национального университета имени Василия Стефаника (г. Ивано-Франковск). – Ф. 1. Рукописные материалы. – Оп. 6. – Спр. 58. Ивана Купала. – Л. 2.
- 67 МЕЕ ЧНУ. – 1995. – Т. 3. – С. 12.
- 68 История городов и сел УССР. Чернівецька обл. – К., 1969. – С. 230.
- 69 Митрополит Лларіон. Дохристиянські вірування... – С. 326.
- 70 Запровадження християнства на Русі / під ред. М. Котляра. – К.: Наукова думка, 1988. – С. 92.

- 71 Вопросы Кирика, Саввы и Илии съ ответами Нифонта, епископа Новгородскаго и другихъ иерархическихъ лицъ // РИБ. Т. VI (Ч.1.) – Спб., 1908. – С. 31.
- 72 Рыбаков Б. А. Язычество Древней Руси... – С. 237, 305.
- 73 Там же. – С. 471–527.
- 74 Голубинский Е. Е. История русской церкви. Т. 1. (II пол.) – М., 1997. – С. 465.
- 75 Максимов С. В. Крестная сила. Нечистая сила. Неведомая сила. – Кемеров, 1991. – С. 117.
- 76 МЕЕ ЧНУ. – 1993. – Т. 3. – С. 12.
- 77 Там же. – С. 19.
- 78 Чубинский П.П. Труды этнографическо – статистической экспедиции в Западно-русский край. – Т. 3. – СПб., 1874. – С. 195.
- 79 МЕЕ ЧНУ. – 1998. – Т. 2. – С. 7.
- 80 Пропп В. Исторические основы Некоторых русских религиозных празднеств / В. Пропп // Ежегодник. – М. – Ленинград, 1961. – С. 85–96.
- 81 Болтарович С. Народна медицина українців Карпат кінця XIX – початку XX ст. – К., 1980. – С. 36.
- 82 Рыбаков Б. А. Язычество Древней Руси... – С. 682–683.
- 83 Голубинский Е. Е. История русской церкви... – С. 466.
- 84 Лозко Г. Українське народознавство... – С. 206–207.
- 85 Рыбаков Б. А. Языческое мировоззрение русского средневековья... – С. 26–27.
- 86 Рыбаков Б. Язычество Древней Руси... – С. 745.
- 87 Там же. – С. 745–746.
- 88 Там же. – С. 746.
- 89 Максимов С. В. Крестная сила... – С. 133.
- 90 Рыбакова Б. А. Язычество Древней Руси... – С. 747–748.
- 91 Канонические ответы митрополита Иоанна II // РИБ. Т. VI (Ч.1). – Спб., 1908. – С. 18.
- 92 Правило митрополита Максима // РИБ. Т. VI (Ч.1). – Спб., 1908. – С. 142.
- 93 Українська поезія XVI століття. – К., 1987. – С. 159.
- 94 Лебедев А. О борьбе духовныхъ властей... – С. 1–2.

Summary

Alexander Kojolianko

Syncretism of paganism and Orthodoxy in calendar rites of bukovinian

The process of the Christianization of Rus in the medieval period, the official Christianization of Kievan Rus in the 10th century is studied. The analysis of the syncretism of paganism and Orthodoxy to 20-21 centuries on the example of calendar rites of bukovinians is made.

Keywords: religion, orthodoxy, faith, paganism, celebration, ceremonies, folk calendar